

Воспоминания об Анатолии Георгиевиче Витушкине

Вы всё-таки скажите: в каком месте нужно радоваться?

А.Г. Витушкин

Анатолий Георгиевич Витушкин (1931-2004) – академик АН СССР (1991), главный научный сотрудник Математического института им. В.А. Стеклова, профессор кафедры теории функций и функционального анализа механико-математического факультета МГУ. Награжден премией Московского математического общества (1954), Государственной премией СССР (1967), орденом “Знак почета” (1981), премией имени А.Н. Колмогорова РАН (2003).

Памяти А.Г. Витушкина посвящен ряд публикаций, которые можно найти на сайте кафедры ТФФА. В связи с предстоящим 85-летием со дня рождения Анатолия Георгиевича (25.06.2016) я тоже решил поделиться своими воспоминаниями.

Анатолия Георгиевича я впервые увидел на его спецсеминаре для студентов мехмата МГУ в 1976 году. В тот год на кафедру теории функций и функционального анализа с нашего (бывшего второго) курса пришло две полных группы студентов. Про этот семинар кафедры ТФФА я узнал от Сергея Ивашковича и Николая Щербины (они пришли раньше). Их научным руководителем стал Анатолий Георгиевич, а меня и Александра Лободу взял Марк Самуилович Мельников, который тоже руководил этим семинаром.

В следующем семестре мы уже стали посещать Большой семинар, которым руководили Анатолий Георгиевич, Андрей Александрович Гончар и Борис Владимирович Шабат. Высочайший научный и творческий уровень этого семинара, включая постоянных участников с других кафедр и МИАНа, трудно переоценить. Почти на каждом семинаре минут через пять-десять после начала доклада начиналось бурное обсуждение сформулированного результата или какого-либо определения, а самого докладчика уже никто не слушал. Так, Джоан Вердера (Испания) часто вспоминал, что на его докладе в сентябре 1989 года ему дали говорить не более половины положенного времени. Это был очень естественный тактический ход слушателей семинара, цель которого состояла в том, чтобы сбросить темп и поглубже понять и оценить излагаемое. Другой сюрприз для докладчиков состоял в том, что АГ (иногда на полном серьезе, а иногда в шутку) просил не упоминать на семинаре некоторые термины и очень сердился, когда доказывали “от

противного”. Поль Готье (Канада) вспоминал, как АГ однажды в самом начале семинара потребовал от Геннадия Хенкина не выписывать никаких интегральных представлений, а профессору Джорджио Томассини (Италия) АГ рекомендовал не произносить слов “sheaf cohomology”, поскольку последние слова были на семинаре якобы “запрещены”. А уж когда докладчик совсем “зарывался” в тонкостях, АГ ставил его на место своей коронной фразой: “Вы всё-таки скажите: в каком месте нужно радоваться?”

Думаю, не только у меня после докладов на Большом семинаре оставалось чувство выжатого лимона, в первую очередь в отношении значимости своего нового результата. В то же время возможные направления развития результата всегда обсуждались, что было очень полезно для докладчика. Однажды одному молодому коллеге, который очень торопился рассказать побольше, АГ сказал: “Не торопись, не жадничай!” Тот не понял: “В чем же я жадничаю? Наоборот!”. АГ ответил: “Когда рассказываешь быстро – другим мало что понятно, вот и жадничаешь!”

На Большом семинаре (в ауд. 13-04) вплоть до 1991 года дымили вовсю. После ухода из семинара А.А. Гончара (он был очень загружен делами в Академии наук) и отъезда М.С. Мельникова на постоянную работу в Барселону, в аудитории позволял себе курить только АГ. Однажды, во время первой волны борьбы с курением в МГУ (еще где-то вначале 80-х), к нам в 13-04 зашел молодой человек и строго сказал, что курить в аудитории запрещено, мол, для этого есть место на лестнице. АГ, уважительно узнав, сколько тому товарищу лет, невозмутимо произнес: “Я здесь курил, когда Вас еще на свете не было!” “Пожарник”, как его потом назвал АГ, больше не приходил. По этому поводу вспоминается еще одно высказывание АГ (так он делился опытом бросания курить): “Я бросаю курить, скажем, на месяц, а не навсегда: одно дело лечь в больницу на месяц, а другое – совсем помереть”.

Первое непосредственное общение с Анатолием Георгиевичем у меня состоялось только на втором курсе аспирантуры, когда возникла необходимость ассистировать ему на лекциях (АГ потерял зрение в 14 лет в результате несчастного случая). Лекции АГ по комплексному анализу (ТФКП) для студентов третьего курса проходили в аудитории 14-08. По договоренности с АГ, я за 15-20 минут до лекции приходил к этой аудитории, и он давал мне необходимые указания. Несколько лекций прошло в нормальном режиме. После лекций я провожал АГ домой пешком. Путь был от Главного здания МГУ по перпендикуляру до Ленинского проспекта, где жил АГ. Я всеми фибрами души ощущал ауру могучего интеллекта АГ и

старался впитать её (именно ауру, дух) насколько мог. Однажды за разговором я поздно заметил ветку на пути АГ, и она задела его голову. АГ меня за это пожурил и еще раз попросил внимательно следить за дорогой. Тогда он ещё вспомнил, как один зарубежный коллега по неосторожности очень сильно “приложил”, как выразился АГ, его головой о какой-то твердый предмет, и потом АГ несколько дней плохо себя чувствовал. После этого я старался быть особенно внимательным.

Но однажды я дал промашку совсем по другому поводу. Все мехматяне хорошо знают, что из общежития зоны Б, где на верхних этажах живут иногородние студенты и аспиранты мехмата, можно за две-три минуты перейти в ГЗ на 13 этаж по специальному переходу (с 19 этажа зоны Б). Во время учебных занятий этот переход был почти всегда открыт, но иногда по какой-то странной причине его забывали или не хотели открывать. И вот один раз я уперся головой в решетку у перехода, когда до лекции оставалось около 15 минут. Пришлось обходить через первый этаж, используя два высотных лифта. Запыхавшись, я прибежал к аудитории 14-08 за три минуты до лекции. Мне тогда очень влетело от АГ. До сих пор помню его афористическую фразу: “Если ты опоздал на 15 минут, значит, ты на 15 минут позже вышел. Следующий раз выходи за 30 минут”. Лекция прошла как-то нервозно, не так гладко, как предыдущие. К тому же я еще и оконфузился: нарисовал вектор градиента не по нормали, а по касательной к соответствующей поверхности уровня. Студенты это заметили, я сразу понял и исправил. На обратном пути АГ сказал, что для него чтение лекции сравнимо с несением чаши, до краев наполненной драгоценным напитком. И даже маленький толчок может разлить эту чашу. Мне было очень стыдно за мою оплошность...

А по возвращении к АГ домой нас встречала милая, добрейшая Валентина Петровна, жена АГ, которая всегда угощала чаем или кофе с бутербродами, домашним печеньем и другими сладостями, а часто даже и обедом. Конечно, ВП взяла на себя всю работу, которую не мог делать сам АГ: записывала и оформляла его научные труды, и даже научилась работать паяльником, воплощая задуманные АГ радиотехнические находки. Через много лет, когда я с семьей приехал на дачу к АГ, Валентина Петровна, познакомившись с моей женой Татьяной, потом по секрету сказала мне: “Без своей жены ты бы просто пропал...”

АГ обладал специфическим чувством юмора: любил инициировать, а потом рассказывать разные смешные истории о себе, друзьях и коллегах. Правда, герои этих историй впоследствии не всегда соглашались с версиями

АГ. Согласно рассказу АГ, один профессор нашей кафедры предложил новую задачу, лучше даже сказать, проблему, гипотезу, которая впоследствии стала очень известной и была решена только лет через 15. Через две-три недели АГ сообщил автору задачи, что нашел решение и согласен его изложить за бутылочкой коньяка. Встретились, обсудили, выпили (коньяк, естественно, принес коллега). Через неделю АГ снова звонит этому профессору и признается, что нашел ошибку в своем доказательстве. Когда речь зашла о том, в чем же ошибка, АГ запросил еще одну бутылочку коньяка.

Уже не раз говорилось, что АГ старался глубоко и творчески вникать во всё, чем он занимался. Это касалось и домашних житейских дел. Так, во время строительства дачного дома АГ не только сам полностью сделал его проект, но, зная всё до мелочей, очень быстро оценил “труд” нерадивых наемных работников и заменил их на других, добросовестных. Еще показателен следующий пример. При закладке фундамента дома обычно остается большое количество земли, которая подлежит вывозу, причем на это приходится тратить немалые деньги (нанимать машину, загружать её и т.д.). АГ не стал вывозить землю из-под фундамента, а просто “приподнял” дом на 0,5 – 1 метр относительно среднего окрестного уровня земли, так что дом оказался как бы на маленьком бугорке. В результате, в отличие от соседских дач, в подвале их дома всегда было сухо.

А какая у АГ была радиоаппаратура! Конечно, импортная, очень высокого качества. Звуковые колонки необъятных размеров воспроизводили все частоты идеально (на мой непредвзятый вкус), но АГ всегда что-то улучшал, модернизировал. Ведь он серьезно интересовался проблемой кодирования и передачи сигналов! При покупке этой аппаратуры АГ, по его словам, доставил немало хлопот продавцам. Сначала он купил другую аппаратуру, но, найдя в ней какой-то дефект, вернул её, на что зарубежные продавцы согласились не сразу, так как никакого дефекта, на их взгляд, не было, и уже потом приобрел “свою”. А слишком большие колонки на обратном пути домой категорически отказывались брать в самолет. На свой риск АГ даже не сел в самолет и задерживал рейс, пока не дали согласия на отправку колонок этим же рейсом.

АГ был очень заботливым и внимательным к своим коллегам и ученикам, всегда был в курсе наших служебных и семейных проблем, знал по именам наших детей и внуков, мог иногда поговорить с ними по телефону, если они брали трубку первыми. Давал нам дельные советы, сообщал

новости, поддерживал во всем. А его семья (Валентина Петровна, сын Павел и дочь Евгения) всегда отличалась особой гостеприимностью.

Не могу не рассказать, какую неоценимую помощь оказал мне АГ и как это повлияло на мою дальнейшую жизнь. В конце 1986 года АГ получил от Джоана Вердеры, специалиста по теории приближений из Барселоны, письмо с приглашением посетить Барселонский автономный университет. АГ к тому времени уже давно занимался многомерным комплексным анализом и практически не публиковал работ по теории приближений. А у меня за предыдущие пять лет было опубликовано несколько работ по рациональным аппроксимациям и защищена кандидатская диссертация. В общем, АГ предложил мне поехать в Барселону вместе с ним ассистентом. Через пару месяцев АГ и мне пришли официальные приглашения из Барселоны (тогда всё пересылалось по обычной почте). Я начал готовить выездные документы в Московском энергетическом институте, где работал уже пять лет. С трудом составив и подписав все необходимые бумаги, я наконец принес их в иностранный отдел МЭИ. И хотя мои характеристики были безупречными, в частности, имел благодарности за работу начальником курса и подготовку студентов МЭИ к межинститутским олимпиадам по математике, инструктор иностранного отдела прямо, без обиняков, сказал, что мои документы будут лежать “ну, может, не вот в этой, но в одной из ближайших корзин для мусора”. Через три-четыре месяца уже подходил срок поездки. Документы АГ были готовы, а о моих ничего не было слышно. Тогда АГ изменил планы и, как он выразился, “переложил свои документы на поездку в Швецию”. Моя поездка была на грани срыва, но произошло следующее. В конце того лета АГ, отдыхая в подмосковном пансионате, познакомился с заведующим одной из кафедр МЭИ. Как-то к слову АГ рассказал ему мою историю, а заведующий кафедрой вспомнил, что у него есть бывший ученик, имеющий высокую должность в иностранном отделе Минвуза СССР. Через две недели мои документы были готовы, и всё дальнейшее, связанное с этой поездкой, пошло на удивление гладко. В Барселоне я узнал от Джоана Вердеры интересную задачу, которую мне удалось решить через два года. А еще через два года АГ взял меня в докторантуру МИАН и рекомендовал почасовиком на кафедру ТФФА мехмата МГУ, на которой я работаю по настоящее время.

В лихие 90-е АГ приложил много усилий, чтобы поддержать своих коллег и учеников как морально, так и материально. Благодаря его непосредственному руководству и научным связям у нас появились гранты и возможность зарубежных командировок. Именно поэтому многие ученики АГ остались в России и впоследствии продолжали активную научную работу.

Однако и здесь, естественно, было не всегда всё гладко. Так, в 1997 году под руководством АГ была составлена очень представительная заявка на один международный (европейский) научный грант. В ней участвовало несколько научных групп из Москвы, из Испании, Финляндии и Франции. Однако эта заявка не была поддержана. Впоследствии АГ узнал по своим каналам, что распределение этих грантов контролировалось каким-то местным “бюрократическим лобби”. Тогда он еще сказал, что больше в этих “играх” не участвует. Кстати, буквально в течение двух-трех ближайших лет многими участниками этой заявки были получены фундаментальные результаты, открывшие целый ряд новых перспективных направлений исследования.

Анатолий Георгиевич Витушкин был яркой, неординарной личностью, талантливым ученым и прекрасным педагогом. Среди его учеников 13 кандидатов и 11 докторов физико-математических наук. До сих пор мы, его ученики и коллеги, ощущаем любовь, мудрость и надежность, которые всегда от него исходили и были для нас опорой и защитой. И такими остаются.

22.04.2016.

П.В. Парамонов